

ском просвещении в немецких журналах и подобные же материалы, касающиеся Германии, в русской печати.

По недостатку времени П. Н. Берков смог остановиться только на первых двух группах вопросов, но его рекомендации остаются и сегодня исключительно важными. Обратив внимание аудитории на таких крупных ученых и государственных деятелей, как А. Виниус, И. Тауберт, А. Л. Шлёцер, К. Крюйс, он особенно подчеркнул значение школ, организованных в России немецкими преподавателями. Кроме того, знаменитые русские учебные заведения вроде академической гимназии или Шляхетного корпуса также, по мнению П. Н. Беркова, служили посредниками в процессе общения русской и немецкой культур. К сожалению, эти рекомендации ученого все еще пока не использованы исследователями. П. Н. Берков посоветовал обратиться и к истории немецких пансионов — И. М. Шадена в Москве (конец 1770-х гг.), А. В. Вицмана в Петербурге (у последнего учились сыновья А. Н. Радищева). Дополнительно П. Н. Берков мог бы упомянуть гимназию Э. Глюка, созданную в начале XVIII в. В докладе были названы и другие немецкие педагоги, которые пользовались влиянием в России XVIII в., — Г. Гюйссен, И. Г. Фокерот.

Жившие в России немцы издавали немалое количество журналов. Для XVIII в. П. Н. Берков посчитал по меньшей мере 23 издания, печатавших более или менее обстоятельные известия о русской и немецкой науке, об искусстве обеих стран и находивших читателей как среди немцев, так и среди русских.

Вторая группа вопросов, намеченных П. Н. Берковым, относится к судьбе русских студентов, которые слушали лекции в Галле, а затем в Геттингене и Лейпциге. Многие российские академики обучались в молодости в немецких университетах.

В заключение доклада П. Н. Берков назвал ранние статьи о России и русской культуре, помещенные в немецкой печати. Он напомнил о сообщении одного из старых журналов Грейфсвальда относительно процесса над А. Н. Радищевым. Заметка, обнаруженная проф. Г. Раабом, оказалась вообще самым ранним печатным свидетельством об этом событии. Докладчик высказал сожаление, что немецкие материалы русских журналов не пользуются должным вниманием исследователей, а между тем это, как он выразился, «огромная и едва изученная область».

Ни русская, ни немецкая сторона не исчерпала в XVIII в. всех возможностей лучше узнать своего соседа, признавал П. Н. Берков. Но взаимный интерес безусловно существовал. «Подобные исторически прогрессивные тенденции, — говорил ученый, — всегда находят свое выражение в деятельности наиболее чутких представителей нации; даже если этих людей не-